

Думая об этом, Янь Юхэн отчаянно желала скорее стать взрослой, чтобы усыновить Гао Тин и подарить ей достойное детство.

Вместо того чтобы позволить Гао Тин жить под таким колоссальным давлением, как сейчас.

— Гао Тин, братик.

Рука Янь Юхэн была уже перевязана, а другой, не травмированной рукой, она нежно обняла Гао Тин, уткнувшись лбом ей в лоб.

Кожа Гао Тин была ледяной и покрытой мелкой испариной. Когда тёплый лоб Янь Юхэн коснулся её, обе невольно задрожали.

— Не бойся, больше такого не будет, — Янь Юхэн продолжала утешать её. — В будущем я буду защищать тебя.

Гао Тин, которая до этого момента держала глаза закрытыми, слегка вздрогнула ресницами, словно маленькие кисточки, коснувшись щеки Янь Юхэн.

Янь Юхэн чувствовала её страх. Ведь это был всего лишь пятилетний ребёнок. В душе у неё всё растаяло, и она хотела Surround Гао Тин всем самым лучшим, лишь бы та перестала бояться и паниковать.

Бабушка Янь и няня были заняты обработкой ран Гао Тин. Когда Янь Юхэн обрабатывали раны, она кричала так, словно хотела сорвать крышу дома. Однако тихая Гао Тин вызывала ещё большее сочувствие. Бабушка, будучи пожилой, не могла смотреть на такое зрелище, и теперь её лицо было мокрым от слёз.

Гао Тин лежала на коленях Янь Юхэн, а та, склонившись, прижималась к ней лицом. Увидев, как её бабушка рыдает от боли, она не смогла сдержать улыбки.

— Бабушка, сначала сходи к папе. Он сдерживал дедушку Гао, возможно, и сам пострадал.

Бабушка Янь дрожащими руками положила вещи и вышла, обернувшись к Янь Юхэн:

— Ахэн, присмотри за Гао Тин. Эта девочка, даже не плачет, как же жалко её.

Услышав это, Гао Тин вновь вздрогнула.

Затем, как будто на глазах, вокруг её длинных ресниц стали собираться слёзы. Бледное лицо постепенно покраснело, а маленький нос начал подёргиваться, вызывая жалость.

Гао Тин наконец заплакала, а Янь Юхэн вздохнула с облегчением, взяв салфетку с прикроватной тумбочки и аккуратно приложив её к глазам Гао Тин.

Гао Тин плакала очень тихо, слёзы словно медленно просачивались наружу. Это не был громкий плач, скорее, это было сдерживаемое внутри напряжение, которое наконец вырвалось наружу, но не смело бушевать. Салфетка в руках Янь Юхэн быстро промокла.

Горячие слёзы упали на пухлую ладонь Янь Юхэн, постепенно согревая её сердце. Это не только заставило Янь Юхэн покраснеть глаза, но и няня, которая всё это время обрабатывала раны Гао Тин, тоже начала вытирать слёзы.

Няня, всхлипывая, пожаловалась:

— Дедушка слишком жесток. Маленький господин и так такой послушный, а он бьёт его до смерти.

Янь Юхэн лучше всех знала, ведь она видела, как Гао Тин били. Раны были не только на теле, но и на голове, просто они были скрыты под волосами. Янь Юхэн аккуратно отодвинула чёлку Гао Тин и увидела кровавый след на виске.

Выпуклая шишка была особенно заметна. Янь Юхэн подула на рану, а затем нанесла мазь.

Закончив с обработкой ран, Янь Юхэн слезла с кровати и заботливо укрыла Гао Тин одеялом. Она могла бегать и прыгать, а Гао Тин даже с кровати встать не могла. Янь Юхэн было горько, она погладила волосы Гао Тин и сказала:

— Спи спокойно, я пойду посмотрю, что там.

Гао Тин, не открывая глаз, не ответила, но слегка кивнула.

Спустившись вниз, Янь Юхэн обнаружила, что снаружи царит полный хаос. Дедушка Гао был высоким и крепким, несколько мужчин едва могли сдержать его, не говоря уже о её хрупком отце. Янь Чжи получил несколько ударов плетью, и только когда дедушку Гао удалось обездвигнуть, он отпустил его.

Янь Юхэн подбежала к двери и увидела, что в большом дворе творилось что-то невообразимое. Дедушка Гао был скручен и прижат к двери. Он всё ещё не успокоился, продолжая биться головой о дверь, которая гулко стучала.

Он бился и одновременно рыдал в голос.

— Кунь! Ты ушёл слишком рано! Какой смысл мне жить одному, старику! — Его морщинистое лицо было мокрым от слёз, а он продолжал звать:

— Дорогой внук! Возьмите и меня с собой!

Он кричал так громко, что Янь Юхэн вздрогнула. Бабушка Янь тоже стояла у двери, поглаживая её голову:

— Эх, дедушка Гао несчастен.

Его сын, невестка и внук погибли в той аварии, а два года назад умерла и его жена, оставив его одного с Гао Тин.

— Но это не повод так бить ребёнка! — Бабушка снова вытерла слёзы. — Гао Тин, такая маленькая, уже столько страданий перенесла.

Янь Юхэн, глядя на обезумевшего дедушку Гао, не могла сдержать гнева.

Из-за своих эгоистичных желаний он не только лишил Гао Тин её женской сущности, но и продолжал давить на неё. Сегодня Янь Юхэн видела раны на теле Гао Тин — насколько глубокой должна быть ненависть, чтобы так избить пятилетнего ребёнка?

— Гао Тин, братик... Его так били и раньше? — спросила Янь Юхэн у бабушки, её голос дрожал, а глаза начали наполняться слезами.

— Это уже третий раз, — задумчиво ответила бабушка.

— В семье Гао больше никого нет. Если дедушка умрёт, что будет с Гао Тин? — Бабушка, прислонившись к двери, продолжила. — У Гао Тин есть родственники по материнской линии, но она не хочет уходить к ним, упрямо оставаясь в семье Гао.

Янь Юхэн замерла, а затем поняла.

Верно, Гао Тин осталась в семье Гао как наследница.

С того момента, как её заставили притворяться мальчиком, её судьба была предreshена. Если бы она вернулась к родственникам по материнской линии, то смогла бы вернуть свою женскую сущность, но это также означало бы отказ от всего, что связано с семьёй Гао.

Но в семье Гао осталась только она одна!

Если она откажется, это будет означать, что семья Гао навсегда уйдёт из центра власти Хуаго.

Для таких семей, как их, потеря власти страшнее смерти.

Сердце Янь Юхэн сжалось. Она, как человек, пережившая вторую жизнь, знала, что Гао Тин в конечном итоге вернёт семью Гао на её прежнее место, но видеть это своими глазами было слишком жестоко.

Она тоже вытерла слёзы и снова посмотрела во двор.

Кто-то уже вызвал психиатрическую больницу, и скорая помощь приехала. Дедушку Гао втащили в машину, и, уезжая, он громко кричал:

— Гао Тин! Ты из семьи Гао! Ты запомни! На всю жизнь!

Он кричал изо всех сил, на шее выступили вены. После этих слов он словно выдохся, позволив увести себя. Янь Юхэн вздрогнула. Дедушка кричал так громко, что Гао Тин наверняка слышала.

Янь Юхэн, беспокоясь, снова поднялась наверх. Гао Тин действительно не спала, а лежала, глядя в потолок. Её бледное лицо, увидев Янь Юхэн, слабо улыбнулось.

— Ахэн, спасибо, — она шевельнула губами, тихо произнесла эти слова.

Янь Юхэн подошла ближе, присев рядом с кроватью.

— За что благодарить? Ты ведь тоже меня спасала, — Янь Юхэн внимательно наблюдала за её выражением лица, боясь, что у неё могут появиться плохие мысли.

В конце концов, это был всего лишь ребёнок, и такие события могли оставить психологические травмы.

Гао Тин, казалось, сразу поняла, о чём думает Янь Юхэн, и добавила:

— Не переживай за меня, я ведь не впервые получаю такие побои.

Она говорила так спокойно, словно ей было не пять лет, а она была мудрее, чем Янь Юхэн, прожившая две жизни.

Янь Юхэн внезапно почувствовала гнев и, широко раскрыв глаза, выпалила:

— У тебя совсем нет сердца? Не боишься, что тебя до смерти избыют?

Она даже не плакала и не кричала от боли, а говорила что-то вроде «это не впервые». Это заставляло Янь Юхэн беспокоиться за неё, и её глаза снова наполнились слезами.

Не знаю, знают ли читатели, что такое бамбуковая плеть, можно найти в интернете картинки. Бьёт она невыносимо больно! Не спрашивайте, откуда я знаю, QAQ.

Сегодня рекомендую песню «Метро, идущее весной», версия Юань Явэй просто чудесная!

<http://bllate.org/book/16703/1534169>